

же понятна и тесная связь этих шаек «ракетчиков», бандитов и т. п. с полицией и судебным аппаратом, их, если можно так выразиться, организованная безнаказанность. Острые уголовной репрессии чаще всего обращаются не в сторону этих профессиональных преступников, а в сторону тех многочисленных одиночек, неорганизованных преступников, которых нужда, безработица, весь строй американского капиталистического общества толкают на совершение преступления, а главное обращается в сторону участников все растущего революционного движения, выступления которых сплошь и рядом «подгоняются» американской юстицией под статьи закона, трактующие об уголовных преступлениях.

Именно в растущем удельном весе профессиональной преступности и в социально-классовом составе профессиональных преступников лежит причина того, что разложение судебно-полицейского аппарата, будучи выражением загнивания капитализма, находит в САСШ такие формы как смычка преступных шаек с полицией и юстицией, смычка не только по линии подкупа и дележа плодами преступлений, но и по линии политического сотрудничества в деле подавления революционного движения.

Печать разложения лежит на американской юстиции, как она лежит на всей буржуазии. Не случайно т. Молотов в докладе на XVII партконференции именно на примере САСШ и в частности, приводя факты о преступлениях — о бандитизме и «ракетничестве», о разложении органов, предназначенных «вести борьбу с преступностью», говорил, что «лицо господствующих классов в буржуазных странах приобретает все более отвратительные черты духовного и морального разложения».

В первую очередь следует отметить это разложение в отношении государственного аппарата. Если в эпоху империализма особое значение для буржуазии приобретает государственная власть и функции империалистического государства разрастаются по всем направлениям, то наряду с этим происходит разложение этого аппарата. Все это срывает маску с буржуазной демократии, обнажая то, что буржуазная демократия — только замаскированная форма буржуазной диктатуры. Парламентаризм приходит к банкротству; в области юстиции во всех империалистических странах это ярко выражается хотя бы в общем наступлении на суд присяжных. Тот процесс фальсификации «народного представительства» в суде, который показывает проф. Люблинский, переходит в прямые требования отказа от суда присяжных. Фактически судебной политикой все больше руководят те «закулисные олигархические группы», о которых говорит программа Коминтерна.

Все это плюс разложение правовой формы, рост внесудебной расправы, совершаемой шайками Ку-Клукс-Клана, частными сыскными агентствами и толпами «суда Линча», предательская роль желтой американской федерации труда — вот факты, которые во множестве приведены проф. Люблинским в его книге, но которые не сведены у него в одно целое.

Необходимо подчеркнуть еще одно важнейшее обстоятельство, которое не нашло развернутого анализа в книге проф. Люблин-

ского, — это углубление процессов разложения американской юстиции и полиции и обострение всех противоречий империалистических САСШ в период нынешнего мирового экономического кризиса.

Если еще в начале 1928 года американская буржуазия могла прикрывать загнивание капитализма громкими фразами о «процветании», если тогда еще мог существовать «ореол» вокруг САСШ как страны самого полнокровного капитализма и раздавались победные песни о «процветании» и т. д., то уже через два с половиной года, в своем докладе XVI съезду партии, т. Сталин констатировал картину жесточайшего кризиса, захватившего САСШ вместе со всем капиталистическим миром: «Вместо «процветания» — нищета масс и колоссальный рост безработицы... Рушатся иллюзии насчет всемогущества капитализма вообще, всемогущества североамериканского капитализма в особенности». Резолюция XVI партсъезда также особенно подчеркнула значение кризиса в САСШ: «Наиболее ярким выражением глубочайшего кризисного состояния капитализма явился американский экономический кризис, переросший в мировой».

В докладе XVI съезду т. Сталин говорил «о новом падении акций на нью-йоркской бирже и новой волне банкротства в САСШ; о новом сокращении производства, снижении заработной платы рабочих и росте безработицы в САСШ...» Теперь, через два года после того, как были сказаны эти слова, по тем же самым показателям мы имеем данные, свидетельствующие о том, что кризис в САСШ еще более углубился. *Новое падение акций: ценные бумаги предприятий 1 января 1932 года стоили 26 млрд. долларов, 1 июня 1932 года — 16 млрд. долларов. Новая волна банкротств: в одном Чикаго за 1 мес. (июнь 1932 г.) закрылось 38 банков. Новое сокращение производства: продукция за период январь — май 1932 года стала равна 6,5 млн. тонн, тогда как в тот же период 1931 года она была равна 13 млн. тонн; по чугуну за те же периоды соответственно цифры равны 4,5 млн. и 9,5 млн. тонн; иначе говоря, по этим двум ведущим отраслям промышленности за последний год мы имеем сокращение вдвое. Снижение зарплаты рабочих: по данным (разумеется, преуменьшенным) «Американской федерации труда» зарплата сравнительно с 1929 годом снизилась в 1932 году на 11 млрд. долларов. Рост безработицы: если в июле 1930 года в САСШ было более 6 млн. безработных, то в июле 1932 года — свыше 12 млн., т. е. вдвое больше, а если считать частично занятых в производстве, то по заявлению сенатора Лафоллета число безработных превышает 17 млн.*

Такие темпы углубления кризиса в САСШ объясняют и усиление роста преступлений, и усиление разложения аппарата суда и администрации, и все большее ожесточение белого террора, стремящегося подавить нарастающее революционное движение. По этим вопросам в книге проф. Люблинского приводится фактический материал, но динамичность процесса и его связь с углублением кризиса автором не показана в систематическом порядке, а имеющихся отдельных ссылок на кризис, конечно, недостаточно.

Одним из наиболее ярких показателей классовости американского «правосудия» и разгула белого террора служит американская уголовная политика в отношении негров — вопрос, наиболее обстоятельно освещенный в книге проф. Люблинского. Вопрос о положении негров в САСШ имеет тем большую остроту, что политика американской буржуазии в отношении негров является сложной и замаскированной классовой борьбой.

Неграм в САСШ, в основном принадлежащим к трудящимся массам, приходится испытывать на себе двойной — национальный и экономический — гнет американской буржуазии. Даже ряд представителей американской буржуазной мысли признают этот факт, делая, впрочем, из него фальшивые «либеральные» выводы о необходимости «улучшения» национального положения негров. Разумеется, вопрос разрешается совсем по другому: «Национальный вопрос есть часть общего вопроса о пролетарской революции, часть вопроса о диктатуре пролетариата», «национальный вопрос может быть разрешен в связи и на почве пролетарской революции» (Сталин). С этой единственно правильной точки зрения совершенно ясна реакционность лозунга национальной негритянской культуры в условиях господства буржуазии, лозунга, проповедуемого в САСШ гарвистами. В его основе лежит буржуазный негритянский национализм, являющийся оборотной стороной американского великодержавного шовинизма, питающего угнетение негритянских масс.

Этот же шовинизм американского буржуа создает «расовую теорию» негритянской преступности, теорию, назначение которой заключается в том, чтобы оправдать травлю негров, произвол и жестокость администрации и суда по отношению к негритянским массам. Расовая теория преступности, исходя из пресловутой теории факторов социологической школы и из проповедуемого этой школой и школой антропологической биологического понимания причин преступлений, давно доказала свою полную несостоятельность.

Такой же провал теории особой — и к тому же повышенной — преступности негров происходит в Америке, проф. Люблинский дает тому не мало доказательств. Тем не менее можно считать бесспорным, что в среде американской буржуазии ненаучность теорий создает им популярность — знаменитый «обезьяний» процесс это достаточно подтверждает.

«Расовая теория» негритянской преступности чрезвычайно удобна для американского империализма, и он культивирует расовую вражду к неграм под флагом «стопроцентного» американизма не только в своей среде, но и в среде рабочих, прибегая для этого к услугам «Американской федерации труда» и ее желтых профбюрократов. Для этого американская буржуазия пользуется тем, что «американские рабочие лидеры являются более решительными противниками элементарной демократии, чем многие буржуа в той же Америке» (Сталин), и подкупает развращенную империализмом верхушку рабочего класса, составляющую руководящие кадры «Американской федерации труда».

Передовые слои американского пролетариата под руководством компартии ведут решительную борьбу с травлей негров, понимая, что «образование общего революционного фронта невозможно без прямой и решительной поддержки со стороны пролетариата угнетающих наций, освободительного движения угнетенных народов против «отечественного империализма» (Сталин). Позиция рабочей аристократии в значительной степени развязывает руки американской буржуазии в отношении угнетения негритянских масс, облегчает ей проведение таких политических процессов, как дело узников Скоттсборо и т. д., широкое применение к неграм средневековых пыток и «суда Линча».

Надо заметить, что в работе проф. Люблинского наряду с правильным в основном освещением вопроса об американской политике в отношении негров наблюдается недооценка опасности развития «суда Линча»: проф. Люблинский подчеркивает «ослабление» этого вида внесудебной расправы, в то время как сам располагает данными «Welt am Abend», говорящими о значительно возросшем в 1931 году числе линчеваний; точно так же проф. Люблинский совершенно напрасно пытается найти объяснение усматриваемому им падению кривой линчеваний, в частности в законах, издаваемых некоторыми штатами против «суда Линча»; после изложения этих законов проф. Люблинскому приходится в конце-концов заметить, что «впрочем, большинство этих законов остались мертвою буквою». Другим серьезным недостатком в этой части работы проф. Люблинского является то, что автор не приводит материала, касающегося классового расслоения негров и привилегированного — пред лицом американской юстиции — положения негритянской буржуазии; простого упоминания об этом обстоятельстве, делаемого проф. Люблинским, конечно, недостаточно.

Неотъемлемой принадлежностью американской юстиции является тюрьма, довершающая систему подавления трудящихся, своими стенами олицетворяющая концентрированный гнет и насилие и, с другой стороны, как и суд и полиция, широко раскрывшая свои ворота подкупу и разложению.

Приводимый проф. Люблинским материал легко убеждает в том, что в Америке «тюрьма — для бедных», что буржуа в ней является редким гостем. Поэтому картина американской тюрьмы особенно показательна для классовости всей уголовной политики в САСШ.

Американская пенитенциария представляет особенный интерес потому, что именно Америка была страной, где впервые буржуазная тюрьма стала развиваться как доминирующий вид наказания. Здесь на практике проводилась мысль об «исправительных» задачах наказания. Здесь родилась квакерская идея «исправления» путем одиночного заключения, при котором заключенный в полном одиночестве, с библией в руках, совершенно изолированный от мира, должен сосредоточиться, понять свою греховность и, раскаявшись в совершенном преступлении, вернуться к богу, добродетельной жизни, т. е., по существу, стать годным и покорным объектом

капиталистической эксплуатации. «Соединение теологического мучительства с юридическим наказанием нашло свое высшее выражение в тюремной системе» — писал по этому поводу Маркс.

В этой системе американской, а затем вообще капиталистической тюрьмы с самого начала было заложено внутреннее противоречие между «исправительными» целями наказания и идеей возмездия, которое, будучи целью наказания, должно было вместе с тем служить исправительным целям. Это противоречие оказывается неустранимым и теперь, через столетие с лишним после рождения американской тюрьмы: причиняя заключенному максимум зла, в порядке возмездия, современная американская тюрьма делает это (и не может делать иначе) такими средствами, которые неспособны ни в коей степени «исправить» заключенного. Единственно, чего достигает американская тюрьма (как впрочем и другие буржуазные тюрьмы) — это подавление психики заключенного, его терроризирование жестоким режимом, тупой палочной дисциплиной. Иного буржуазная тюрьма дать не в состоянии, но одно это в значительной степени выполняет «социальный заказ» империализма. «Либеральные» вопли американских пенитенциаристов не дают выхода из тупика, в котором находится тюремное дело. «Широкие планы» и «смелые начинания» этих «реформаторов» не идут дальше изобретения новой системы стен и запоров, т. е. по существу загоняют тюрьму в тупик еще глубже и плотнее.

Картина американской тюрьмы достаточно полно и красочно представлена в книге проф. Люблинского. Однако необходимо отметить недостатки, в ней содержащиеся. К этим недостаткам относятся прежде всего то, что автор не исследовал положения заключенных политических. Ссылаясь на то, что по данным американской статистики нельзя выделить категорию политических, так как «преступления, вызванные политическими мотивами, заносятся в статистику под самыми разнообразными наименованиями», автор ограничивается только указанием на отсутствие в Америке особого, льготного режима для политзаключенных. Такое утверждение нельзя не признать формальной отпиской. Автору нужно было использовать не только официальные американские материалы. По данным МОПРА нужно было показать, что отсутствие особого льготного режима для политзаключенных вовсе не означает равного для политзаключенных и для уголовных режима. Для политических фактически существует особый режим, но не льготный, а, наоборот, отягченный, в котором наиболее резко проявляется белый террор.

Другим недостатком является некритическое отношение к позаканному благополучию и декоративным прелестям американских женских реформаториев. Если бы автор вообще в своей работе уделил больше внимания различию между уголовными и политическими заключенными, он и в женском реформатории нашел бы стороны, опровергающие теорию оазиса, в котором якобы сохранилось пресловутое американское «процветание». Кстати сказать, в других частях книги автор сам приводит материал, показывающий, что американское «рыцарство» по отношению к женщи-

не бесследно испаряется там, где дело касается женщины-работницы: достаточно вспомнить пример с пытками, примененными к 15-летней девочке в Техасе, чтобы понять, что по отношению к женщине-работнице (не женщине «вообще») американская тюрьма, как и американская полиция и суд, если и напоминают некий средневековый институт, то институт не «рыцарства», а инквизиции.

Далее нужно отметить не критический подход автора к вопросу о «просветительной» работе в американских тюрьмах. Вся «критика» автора направлена на плохую организацию тюремных школ, на неприспособленность помещений, на недостаток внимания к просветительной работе и т. д. Мимо его внимания прошло самое существенное: политическая сторона американской тюремной школы.

А между тем самое «неустройство» школы в американских тюрьмах далеко не случайно. Еще в 1870 году американские пенитенциаристы на конгрессе в Цинциннате признали, что «в деле исправления преступников более важная роль принадлежит религии, а не школе».

И в наше время этот принцип осуществляется в американских тюрьмах: у проф. Люблинского мельком отмечено, — но только мельком, — что «тюремные библиотеки находятся в заведывании католических патеров (а иногда разделяются между патером, пастором и раввином), которые естественно используют свое руководство для целей религиозной пропаганды, а не для сообщения действительных знаний». Между тем здесь дело вовсе не в «сообщении действительных знаний», а в том, что вся система «морального» воздействия на заключенных в Америке построена на том обскурантизме и ханжестве, которые свойственны вообще американскому буржуа, порождают в Америке знаменитые «обезьяньи» процессы и служат формой политической обработки и затемнения сознания заключенных.

Наконец, совершенно некритически, — чтобы не сказать больше, — проф. Люблинский относится к постановке в САСШ дела подготовки тюремщиков. Ограничившись указаниями на неподготовленность и грубость тюремного персонала, автор без критики и даже с видимым одобрением относится к начинаниям американской пенитенциарии в области подготовки этого персонала. Между тем приводимая проф. Люблинским программа федеральной школы должна была натолкнуть его на некоторые размышления. Что, например, означает пункт: «Дать будущим служащим надлежащее понимание теоретических и социологических основ тюремной проблемы, значение справедливого и беспристрастного применения закона», если сопоставить этот пункт с тем, что (как это не раз отмечает проф. Люблинский) «теоретические и социологические основы тюремной проблемы» заключаются в грубом возмездии, палочной дисциплине, пытках, а «справедливое и беспристрастное применение закона» расценивается на доллары, как и всякий другой халкий товар? Вспомним, что такая теория и практика юстиции и пенитенциарии, как это не раз отмечает проф. Люблинский, не случайны, зависит не от «неудачно» подобранных чинов-

ников, а коренятся в недрах загнивающего империалистического строя САСШ. Следует, наконец, сопоставить этот пункт программы о «теоретических основах тюремной проблемы» и о «справедливом и беспристрастном применении закона» с другим пунктом той же программы, где «теория» дополняется обучением тюремщиков боксу и джиу-джитцу, вероятно, для того, чтобы посредством бокса и джиу-джитцу они внедряли в сознание заключенных идеи справедливости и беспристрастности закона. На эти вопросы у проф. Люблинского мы ответа не находим, а ответ напрашивается сам собою.

Недостатки в работе проф. Люблинского значительны. Но несмотря на них книга дает много, она открывает перед советским читателем мало доступные и мало известные страницы американских источников. Эти источники, правда, требуют к себе тоже чрезвычайно осторожного подхода, ибо в них скрыто весьма понятное стремление — по возможности прикрасить американскую действительность. Достаточно привести пример: криминалист Джойс ставит себе задачу — вычислить в долларах «потери» от преступлений; он составляет таблицу, где тщательно вычисляет ущерб, приносимый громилами, бандитами, ворами и т. д.; но, когда дело подходит к графе, где должна фигурировать сумма подкупов и взяток, графа оказывается незаполненной; а между тем казалось бы здесь перевод «потерь» на деньги наиболее легок, даже и перевода делать не нужно, так как при каждом привлечении к ответственности (если только привлекают к ответственности) сумма взятки или подкупа обязательно должна быть указана в приговоре или обвинительных материалах. Но тут предприимчивость американского криминалиста иссякает.

Причина подобной скромности всплывает в другом случае: в 1929 году по просьбе начальника чикагской полиции американские университеты, институт криминологии и чикагская комиссия по преступности выделили комиссию для обследования вопроса о проникших в печать разоблачениях по поводу связи полиции с преступным миром. Комиссия в 1931 году представила обширный доклад, в котором были различные указания о технике полицейского дела, но ни слова о связях полиции с преступным миром. Комиссия не постеснялась в предисловии объяснить эту «фигуру умолчания»: «Вопрос о подкупности полиции *согласно договоренности* был нами исключен».

Естественно, что при такой «договоренности» полиции с учеными учреждениями, американские буржуазные источники большого доверия внушить не могут. Но если несмотря на «договоренность» все же материалы американских официальных учреждений и буржуазных криминалистов каждой своей строчкой кричат о насилии, беззаконии, подкупе, классовой ненависти и жестокости, фальши и разложении, господствующих в американском суде, полиции и тюрьмах, — такое свидетельство получает тем большую силу и убедительность.

Книга проф. Люблинского дает весь этот материал, хотя и без необходимого освещения марксо-ленинской теорией. Но материал

говорит сам за себя и ценность книги заключается в том, что читатель еще раз убеждается в правильности марксо-ленинских установок относительно классовости уголовной политики, ее значения, как орудия подавления буржуазией классового врага, загнивания капитализма и разложения, глубоко проникшего во все поры сжатой кризисом самой могущественной империалистической страны, трудящиеся которой могут найти выход — и ищут его все более решительно — только в коммунистической революции.

**разложение
полиции,
обвинительного
и судебного
аппарата в сасш**

1

Постороннего наблюдателя американской жизни невольно поражает интерес, проявляемый широкими кругами населения ко всякого рода сведениям о совершающихся преступлениях. Изодня в день печать, кино, радио, литература начинают читателя, зрителя или слушателя всевозможными подробностями о каждом сколько-нибудь заметном преступлении.

Вот несколько цифр, иллюстрирующих эту «тягу к преступности». К началу 1931 г. в САСШ выпускалось 388 утренних газет и 1 554 вечерних с ежедневным тиражом около 40 млн. экземпляров. Кроме того издавалась 521 воскресная газета с тиражом в 26,4 млн. экземпляров ⁽¹⁾. Френс Фентон, исследовавшая в 1911 г. вопрос о влиянии газет на преступность ⁽²⁾, путем подсчета установила на примере 57 газет, что более 8% места отводится ими сообщением о преступлениях и скандальных происшествиях. Джозеф Холмс, повторивший эту работу в 1929 г. на основании изучения двенадцати больших столичных газет преимущественно Нью-Йорка и Чикаго ⁽³⁾, установил, что процент места, отводимого ими преступлениям, колеблется от 11,8 до 33,1%; при этом, чем больше места отводится в газете статьям о преступлениях и хронике преступности, тем большим распространением газета пользуется. Холмс вычислил, что на протяжении одного месяца 12 этих газет по вопросам преступности поместили в общей сложности 4 712 статей, и что если этот материал издать в виде книги, то он составил бы шесть больших томов по 300 страниц каждый. Отдельным крупным преступникам посвящается обширная специальная литература.

Морис Калдвел ^(4a), подсчитавший тем же методом содержание 12 крупных столичных газет в конце 1930 г., устанавливает, что 7,12% всего их содержания относится к изложению сведений о преступности и скандальных происшествиях. Он выделил и

подсчитал особо не только размер текста, но и место, занимаемое заглавиями и аншлагами, помещаемыми обычно на первой странице газеты, и нашел, что 19,1% всех заглавий и 14,2% всех аншлагов этих газет посвящены указанным выше сведениям. Более 70% информации о преступности относится к тяжким преступлениям преимущественно насильственного характера. Убийства занимают около одной трети места в газетных столбцах и более половины места в аншлагах и заглавиях. В некоторых газетах до 27% печатного материала первой страницы отводится новостям по преступности.

Характерным является то объяснение, которое дается автором этой работы такой погоне за крикливыми анонсами о преступлениях:

«Мы должны помнить, — пишет он, — что современная столичная газета является чудовищным капиталистическим предприятием, гонящимся за прибылями. Прибыли обеспечиваются возможно большей продажей мест для объявлений: по данным настоящего обследования более 50% всего газетного материала состоит из платных объявлений. Задачей редактора является прежде всего распространить этот рекламный материал среди возможно более широкого круга читателей. Это нелегкая задача, так как никто не вздумает покупать газеты только ради объявлений, в ней находящихся. Газета поэтому должна стать привлекательной, даже более — соблазнительной и захватывающей своих читателей. Данные настоящего исследования показывают, что эта цель достигается путем украшения и декорирования всей газеты новостями о преступлениях и другими сведениями о сенсационных скандалах».

Тов. Молотов в своей речи на XVII партконференции привел в виде примера чикагского миллионера бандита Аль-Капоне, описание «подвигов» которого было посвящено в мировой буржуазной прессе 1.587.422 столбца печати; в газетах и журналах было помещено 5.050 его фотографий; Аль-Капоне оказался на первом месте среди всех героев дня, перегнав по количеству написанного о нем американского президента Гувера. Этот случай не является единственным, хотя и носит рекордный характер. Дела сыновей миллионеров Леопольда и Леба, дело другого чикагского бандита Ландеско, дело Линдберга и др. дают подобную же картину.

В конце января 1931 г., по сообщению федерального департамента торговли в САСШ, было 22.731 кинотеатров (*). По подсчетам организации американских кинопроизводителей и распространителей фильм еженедельно эти театры посещаются не менее чем 115 миллионами человек. От 3 до 40% (смотря по общедоступности театра) посетителей являются дети (в среднем процент детей равен 5,2%) (**). Содержание «американских боевиков» хорошо известно, хотя до нас доходят только наименее вредные из них. Оно или целиком состоит из истории какого-либо крупного преступления или «элемент преступности» в той или иной мере входящий в него как необходимое стильное дополнение. Зритель с напряженным вниманием следит за всеми перипетиями борьбы преступников с детективами, обвинением и судом, пока «счастливый конец» — это неизбежное условие всякой американской фильма — не успокоит его нервов и не «примирит» его с изображенной на экране жизнью.